

ФОРМИРОВАНИЕ ЖИЗНЕННОГО МИРА ЛИЧНОСТИ В СРЕДЕ ВОСПИТАНИЯ ЛЮБВИ

В статье исследуется роль любви в формировании жизненного мира личности. Подчеркивается роль христианства как основополагающего фактора в духовном самостроительстве человека. Обосновывается роль семьи как основы воспитания любви и развития духовно-религиозных традиций.

Философский дискурс о любви развивается на культурной почве, исследование которой – необходимое условие понимания тех или иных теоретических моделей. В свою очередь, философское и – особенно – художественное моделирование жизни не остается простой «надстройкой», а будучи реализованным в сознании и поведении людей, вплетается в ткань цивилизационного процесса.

Каждый человек проживает свою собственную жизнь, наполненную определенными задачами, целями, что в конечном итоге составляет его смысл жизни. Цель жизни – это своеобразный ориентир, по которому человек выверяет курс своей жизни, своих поступков. Поэтому смысл жизни конкретного человека всегда несет на себе печать единства индивидуального и всеобщего, субъективного и объективного. Жизнь человеческая соткана из больших и малых целей. Нужна ли в этом случае общая интегральная цель? Нужна! Ибо без нее человек мельчает и сбивается на осуществление принципа «здесь и сейчас», ориентируясь лишь на удовлетворение витальных потребностей, не утруждая себя подниматься до уровня человеческих потребностей. Поэтому личностью индивид становится не просто в пространстве абсолютных и конкретно-исторических ценностей, а в собственном жизненном процессе, причем система абсолютных и конкретно-исторических ценностей дана индивиду не непосредственно, а через разнообразные ситуации, образуя пространство его жизненного мира.

Идея жизненного мира приобрела свое философское звучание именно в осмыслении проблем человеческого бытия и феномена личности, что подтверждают философские исследования Э. Гуссерля, Ю. Хабермаса, М. Хайдеггера, а также работы в области психологии Ф. Brentano, Ф. Василюка и др.

В соответствии с критической наукой об обществе Ю. Хабермаса «жизненный мир» имеет универсальную структуру, включающую такие элементы, как ценности, интуиция, здравый смысл, традиции, а также образ и стиль жизни, зависимые от социального статуса индивида и формирующиеся в процессе его социализации. Поэтому любовь и жизненный мир есть целостная система, объединяющая личностные аспекты бытия. Жизненный мир, в котором мы живем и который создаем сами, всегда является «почвой» для любой практики – как теоретической, так и внетеоретической. Этот мир одинаково доступен каждому как «мир простых intersубъективных опытов» [1]. Ведь мир для каждого из нас всегда является универсальным полем «возделывания» себя и мира. Каковы же истоки формирования жизненного мира человека? Попытаемся ответить на этот вопрос сквозь призму христианской любви как области социально-общественной деятельности.

Проблеме морально-религиозного воспитания в наше время не хватает должного внимания исследователей. Внимание ученых на протяжении почти целого столетия было сосредоточено на проблемах коммунистического, интернационального воспитания молодежи; проблемы гуманистического, морально-религиозного воспитания, формирования духовной культуры личности почти всегда рассматривались как второстепенные.

В настоящее время для трансформирующегося украинского общества проблемы морально-христианского воспитания становятся все более актуальными. В свете христианской антропологии основные вопросы воспитания получают новое освещение, в них видится иной смысл. Сама задача воспитания в свете христианской антропологии освобождает нас от той поверхностности, которая присуща современной педагогике, занятой поисками иностранных методик и проходящей мимо основных проблем жизни.

Безусловно, сегодня интерес к проблеме христианского воспитания как в Украине, так и в России значительно возрос. Об этом свидетельствуют материалы конференций, круглых столов и, в конечном итоге, введение в школах Украины факультативных курсов «Этика веры», «Основы православной культуры».

Однако христианство почему-то всегда рассматривается как «новая мораль», что является глубоко ошибочным мнением. Христианство – это не очередная дежурная идеология, «худшая или лучшая», это иной тип духовности. Поэтому механизм и характер воспитательного влияния не предусматривает тех стереотипов, которые были свойственны предыдущим идеологиям.

Первые серьезные попытки теоретико-педагогического осмысления христианства начинаются в основном с исторического факта, когда христианство становится государственной религией в Римской империи. Без сомнения, заслуга в этом принадлежит Святым Отцам и Учителям Церкви: Климентию Александрийскому, Оригену, Григорию Богослову, Василию Великому, Иоанну Златоусту, Блаженному Иерониму, Блаженному Августину и другим представителям патристики.

Этико-поучительные наставления Святых Отцов нельзя назвать четкой теоретико-педагогической системой, но отсутствие такой системы еще не говорит о том, что в них нельзя найти систематизированные педагогические идеи и взгляды по формированию жизненного мира личности. Рассуждения Святых Отцов о воспитании свидетельствуют о том, что это была попытка решить педагогическую проблему теоретическим путем.

Одно из самых ранних наставлений о воспитании любви к ближнему, которое сохранилось в истории украинской философской мысли, мы находим в «Поучении» Владимира Мономаха: «Лжи остерегайся, и пьянства, и блуда. От того ведь душа погибает и тело. Куда бы вы ни держали путь по своим землям, не давайте отрокам причинять вред ни своим, ни чужим, ни селам, ни посевам, чтобы не стали проклинать вас. Куда ни пойдете и где ни остановитесь, напоите и накормите нищего. Более же всего чтите гостя, откуда бы к вам ни пришел, простолюдин ли, или знатный, или посол; если не можете почтить его подарком, то – пищей и питьем... больного навестите, покойника проводите, ибо все мы смертны. Не пропустите человека, не поприветствовав его, и доброе слово ему молвите» [2, с. 401].

Нельзя обойти вниманием имя замечательного украинского педагога и врача Николая Ивановича Пирогова, который в 1859 году был попечителем Киевского учебного округа и открыл первые воскресные школы для детей и взрослых. Под его руководством студенты Киевского университета имени Св. кн. Владимира стали по воскресеньям проводить занятия с народом. Пирогов, будучи и педагогом, и врачом, удивительно глубоко чувствует антропологическую целостность человека и потому неустанно призывает учителей к гармоничному развитию личности. Вот выписка из его статьи «Воспитание и образование»: «Конечная цель разумного воспитания должна заключаться в постепенном образовании в ребенке ясного понимания вещей окружающего мира. Затем результатом понимания должно стать возведение добрых инстинктов детской природы в сознательное стремление к идеалам добра и правды и, наконец, постепенное образование твердой и свободной воли» [3, с. 95].

Таким образом, итогом христианского воспитания нужно считать не набор христианских знаний, не вышколенность, а обретение внутренней системы ценностей, которая ляжет в основу всей жизни человека. И эта система должна быть развивающейся, обога-

пшающейся. Обращение к истокам христианской педагогической мысли (а не только поиск новых инновационных технологий обучения) поможет выйти из того духовного кризиса, в котором находится наше общество.

Сегодня идет активный поиск новых моделей образования, современные информационные технологии, компьютерная техника вытесняют непосредственные контакты человека с окружающим миром, природой, людьми. Вместе с тем снижается уровень воспитания, оно начинает носить характер формализма, упрощения, сводя на нет сам процесс всесторонней подготовки ребенка к жизни. Воспитательная работа в школах понимается в основном как ориентация школьников только на будущую профессиональную деятельность. Дети чаще всего рассматриваются как потенциальные общественные (в узком смысле) субъекты, в силу чего формирование культуры любовных отношений и впоследствии отношений в семье нередко отдается на откуп пошлым телешоу, СМИ, сомнительным компаниям, которые массовым тиражом воспроизводят образцы уродливых взаимоотношений в любви.

Между тем подлинное воспитание есть прежде всего раскрытие личности в полноте ее творческих сил, в обращении к миру ценностей, наполнение ее смыслом и содержанием, которым становится любовь.

Сегодня необходимо создание такой модели развития общества, которая вновь оживит любовь, вернет ей исконный смысл и значимость, поможет человеку расширить диапазон ценностей, утвердит новый образ жизни и интересов, который вмещает в себя нечто большее, нежели удовольствие тела и сентиментальное обхаживание друг друга, – духовную ценность и цель, ради которой стоит жить и которая образует новую почву единства.

Спасение это имеет вертикальный вектор; оно восходит вверх к тому максимуму души, который именуется высшим благом, абсолютом, Софией или Богом. «Человечество держит в руках обрывок цепи, концы от которой уходят глубоко в Небо. Земная любовь – малый осколок любовной соборности, духовного единения, которому, чтобы обрести подлинное значение и ценность, нужно соединиться со своей главной – Божественной – основной первопричиной» [4, с. 15-16].

Приобщение к любви имеет множество различных путей и форм, и исчислить эти духовные восхождения в рамках нашей статьи сложно. Но есть некоторые, на наш взгляд, основные пути, которые в деле воспитания любви являются необходимыми. Рассмотрим их более подробно.

Воспитание любви происходит главным образом в семье. Именно там человек получает (либо недополучает) первые духовные силы, знания и умения, которые он затем переносит в свою общественную жизнь. И если духовный кризис поражает семью, то впоследствии это обязательно скажется на других формах человеческого общения. «История показала и подтвердила это с достаточной наглядностью, – писал по этому поводу А. Ильин. – Великие крушения и исчезновения народов возникают из духовно-религиозных кризисов, которые выражаются, прежде всего, в разложении семьи» [5, с. 201].

Настоящая семья возникает из любви. Там, где брак заключается без любви, семья становится чем-то формальным. Именно в браке закладываются основы нового духовного единения. Семья, внутренне скрепленная любовью, является школой душевного роста, уравновешенного характера, творческой деятельности. Семья, основанная на любви, становится и школой духовного опыта. Здесь одно откликается и отражается в другом, все очень связано внутренне и интимно, и любая боль одного дает себя знать в другом.

Семья призвана поддерживать и передавать из поколения в поколение и отечественные духовно-религиозные традиции. Можно с уверенностью сказать, что из духовного уклада семьи вырастает патриотизм, культура благоговейного почитания предков, следовательно, семья есть первооснова Родины. У А. Пушкина эта мысль выражена с еще большей точностью: «Два чувства дивно близки к нам – // В них обретает сердце пищу – // Любовь к родному пепелищу, // Любовь к отеческим гробам. // На них

основано от века // По воле Бога самого // Самостоянье человека, – // Залог величия его. // Животворящая святыня! // Земля была б без них мертва; // Без них наш тесный мир – пустыня, Душа – алтарь без божества» [6, с. 245].

Сегодня все отчетливее слышны голоса апологетов общечеловеческой культуры, на самом деле скрыто или явно проповедующих верховенство американско-европейской культуры, насаждающих свои идеи космополитизма под завесой рассуждений об обще-европейской культуре и общечеловеческих ценностях. Все большее количество людей попадает в зависимость от потребительства, комфорта, гедонизма. И как следствие этого – прагматизация жизни опустошает души подрастающих поколений, разрушается духовное преемство поколений: «Многие наши современники не чувствуют себя (или не хотят того) продолжателями великого русского дела созидания Святой Руси, хранителями и защитниками духовных сокровищ ее истории» [7, с. 163].

Здесь нельзя не обратиться к нашим православным истокам, а они восходят к культуре как культу предков, религии как культуре сердца, без которых культура народа попросту гибнет. В слове «Отечество» слышится и «отец», и «отчий дом» и древнеславянское «Отче». Исток личностного становления связан с отчим домом, с благоговением перед преданиями семьи, своего народа. Если нет сыновней привязанности к отчему дому, к родной природе, к традициям семьи / народа, то нет и глубинного верования. Сыновняя привязанность невозможна без православной веры, поскольку «это и есть верный показатель состоявшейся в личности сыновней привязанности к отцам, ко всей родословной, к преемственной череде дедушек и бабушек, ко всей истории своего народа... Измена верованию – это измена своим предкам, забвение Отчизны, ее сокровенного духовного центра, без которого рассыпается целостная личность, превращаясь в аморфного индивида, всечеловека» [8, с. 127-128].

Патриотическое единение людей основывается на некоей их сопринадлежности. Люди объединяются в единую нацию и создают единую родину в силу подобия их духовного уклада, и этот духовный уклад вырабатывается исторически, что в итоге объединяет людей в патриотическое единство. Интересным является тот факт, что слова «род», «родина», «народ», «родня», «родимый» – однокоренные и очень близки по содержанию. И постижение их является творческим актом духовного самоопределения. Воспитание патриотизма – это и формирование готовности простить (не осудить) ошибки отцов и дедов, т.е. выпрямление пути рода и народа в целом. Отсюда – покаяние (в переводе с греческого «метаноите» – исправление пути, перемена мыслей), восстановление природы личности через коренной переворот души, отмену всех прежних индивидуалистических самолюбивых и своевольных установок.

В стихах русского философа А. Хомякова мы находим такие слова: «За все, за всякие страданья, // За всякий погранный закон, // За темные отцов деянья, // За темный грех своих времен, // За все беды родного края, – // Пред Богом благостей и сил // Молитесь, плача и рыдая, // Чтоб Он простил, чтоб Он простил» [9, с. 98].

Воспитание патриотизма – это не только любовь к родине, но и осознание себя ответственным за свою землю, за ее благосостояние, за неразрывность своей связи с живой историей земли. Это, наконец, и осознание себя в ряду поколений, населявших эту землю. Уточняя последнее, можно говорить о формировании ответственности за прямое наследование хозяйствования на земле. С детства ребенок должен почувствовать, что территория его предков, его земля добыта трудом и волею, духом и кровью. Осуществление этой части воспитательной работы сопряжено с идеалами героев-воинов: Александра Невского, Александра Пересвета, Дмитрия Донского, Федора Ушакова, причисленных к лику святых, Дмитрия Вишневецкого (Байды), Александра Суворова, Петра Калнышевского и других. Традиционно русское воинство было христианским. И поэтому к мужеству всегда добавлялось еще одно важнейшее личное качество – это жертвенность. «Нет больше той любви, как если кто положит душу свою за друзей своих», –

говорит Христос. Презрение смерти, самоотверженность, стояние до конца за свою семью, свой народ – вот чувства, которые должны быть переданы ребенку. Задача каждого поколения состоит в передаче этого исторического опыта, и притом в формах возрастающей одухотворенности, национального благородства.

Важным этапом воспитания любви является самостроительство духа как условие его жизненного самостояния. Приобретение и умножение духовного опыта требует от человека воли, выдержки, преодоления эгоизма. Человек, не ищущий путей духовного опыта, обречен на бесконечные блуждания, а возможно, и на жизненные крушения. И поскольку мы рассматриваем этот вопрос сквозь методологическую призму православного христианства, то полагаем, что духовное самостроительство вынашивается особыми внутренними актами человека и с ним начинается религиозная вера.

Формирование жизненного мира личности включает в себя и религиозную веру, но религия человека не сводится только к любви, она рождается из любви, решается любовью и без любви невозможна. Если же любовь исключить из религии, тогда последняя сводится лишь к волевым умственным упражнениям, фанатизму, притворству к себе, к людям, к Богу. В работе «Аксиомы религиозного опыта» русский философ И.А. Ильин писал: «Человек религиозен там и тогда, когда он целен в приятии Бога. Но цельность приятия дается только любви, и есть сама любовь. Религиозное состояние души имеется там, где единый огонь горит и в духе, и в инстинкте человека; а это только и может быть огонь любви» [10, с. 104].

Основополагающим религиозным актом духовного опыта является сердечное созерцание. Созерцание предполагает приблизительно то же самое, что «видеть», «рассматривать», но к этому нужно также приложить духовное рассматривание и видение, которое пронизывает любовью и духом живую суть предмета, явления. Ведь часто мы видим очертания – и ни на чем не останавливаемся; мы слушаем слова – и за словами не улавливаем глубины чувств или мыслей. И поэтому воспитание любви в себе и в детях начинается не тем, чтобы открыть глаза и уши, оно начинается в момент, когда мы решаем с доброй совестью относиться к Богу, ближнему, природе.

В связи с этим возникает вопрос: учимся ли мы сами (и учим ли этому своих детей) слушать пение птиц, любоваться восходом солнца? Умеем ли уловить первые движения просыпающегося леса или поля, всматриваться в зеркальную гладь родника или озера? Митрополит Антоний Сурожский писал: «Если вы хотите что-то уловить, вы должны встать раньше, чем другие звери, пойти так, чтобы весь лес не проснулся от ваших легких шагов, сесть где-нибудь, чтобы быть как можно более незаметным, и в себе совместить как бы парадоксальное состояние: с одной стороны, такой живости духа, такого внимания, чтобы ничто не могло избежать вашего взора или слуха, но с другой стороны, такой гибкости, чуткости, чтобы все отзывалось в вас» [11, с. 63-64].

Любовь, струящаяся из сердца, – это вера, искусство, труд: «Есть одна сила, которая имеет призвание направлять, укоренять и сообщать духовную предметность... это сердце, сила любви... дело жизненного выбора, и притом верного и окончательного выбора, есть дело духовной любви» [2, с. 391]. И.А. Ильин не только широко использует символ сердца, но и вводит особый духовный феномен – «сердечное созерцание», от развитости и силы которого зависит уровень духовности как отдельной личности, так и человеческой культуры в целом. В письме к сыну он писал: «...Самое главное и драгоценное в его (человека. – Ш.Л.) жизни открывается именно сердцу. Только созерцающая любовь открывает нам чужую душу для верного, проникновенного общения, для взаимного понимания, для дружбы, для брака, для воспитания детей... Только созерцающая любовь открывает человеку его родину, т.е. его духовную связь с родным народом, его национальную принадлежность, его душевное и духовное лоно на земле... Надо жить ею, а не говорить о ней» [5, с. 535-536]. Мы не можем не согласиться с автором «Поющего сердца», что сердечное созерцание – самая глубокая и благородная способность человека, высший уровень познания на основе духовной любви к возвышенному и достойному.

Сделаем небольшое отступление и зададимся вопросом: как часто сегодня современный человек обогащает себя актом духовного созерцания? Современная компьютерно-информационная культура, на наш взгляд, упрощает этот процесс, более того, высвечивает тревожные опасности коммуникативности будущего. «Ущербность и опасность электронных коммуникаций состоит в том, – отмечает российский ученый А. Литвинцева, – что они заменяют психологическую правду, эмоциональную глубину переживаний предельно условной знаково-символической образностью: не надо сострадать, сопереживать и переживать трагическое, не нужно напрягаться в интуитивном постижении истины. Компьютер все предопределил и расставил заранее по своим местам» [12, с. 22]. Поэтому, чтобы человека не поглотила «культурная мутация» [13, с. 8], виртуальности следует противопоставить актуальность сердечного созерцания.

В этой связи еще раз обратимся к пророческим словам И. Ильина: «...Люди скоро убедятся в том, что мнимый “прогресс” есть в действительности разложение культуры. События заставят их пересмотреть свои воображаемые “достижения” и обновить свой творческий акт. Сердце и созерцание, любовь и интуиция должны быть реабилитированы и возобновлены...» [5, с. 299]. Русский философ призывает критически пересмотреть и обновить культурно-творческий акт: «Надо побороть в себе ложный стыд, мешающий нам любить и созерцать из любви... надо будить его в детях и завещать новое воспитание внукам... надо внести этот оживший дар во всю человеческую культуру – от религиозной веры до архитектуры... Надо доверить все свое творчество и всю свою судьбу этой благодатной силе сердечного созерцания...» [5, с. 389].

В свете вышеизложенного можно утверждать, что идеи кордоцентризма особенно актуальны в наше техно-информационно-прагматическое время, когда человек теряет свою индивидуальность, уникальность, сердечность, духовно-творческую мощь. От нас фактически требуется отказ от возведенной вокруг себя брони эгоцентризма и возврата к «сердечному созерцанию». Стремление больше познать свою душу и душу других людей, больше прислушиваться к голосу своего сердца и быть с ним в согласии, быть достойным своего личного «Я» и уважения других людей. Тогда человек не чувствовал бы себя таким отчужденным и экзистенциально одиноким.

Формирование жизненного мира личности невозможно без самостроительства духа. Формирование этого опыта можно, на наш взгляд, определить в следующей последовательности:

Вера → Разум → Сердце → Созерцание → Воля → Совесть → Деятельность.

Работая над собой в таком направлении, человек наполняет жизненной силой все сферы деятельности. В познании это дает человеку проникновенную силу и любовь. Именно этим путем шли гениальные ученые: они не просто наблюдали свои объекты или размышляли о них, но созерцательной любовью они всматривались в них, вырабатывая новый акт научного познания.

Бессердечная воля – это именно та воля, для которой поставленная цель оправдывает всякое средство; она пуста, черства, насильственна. Только воспитывая волю в созерцательной любви, человек раскрывается в подлинном благородстве. Искусство, творчество без сердечного созерцания будет наполнено техническими спецэффектами, пошлостью, праздным развлечением. Истинный поэт, композитор, режиссер растет и углубляет свое созерцание, «выращивает» из него свои лучшие работы. Он знает, что это алтарь его творчества, и именно здесь таится вдохновение, которое есть «призрак Бога» (Пушкин). Лишь в созерцании творческий человек получает дар видеть и возвышаться над собой и перерасти самого себя. В сфере правовой культуры сердечное созерцание предотвращает от произвола, анархии и бесправия и вместе с тем раскрывает стремление к справедливости и добру.

Сказанное дает повод предположить, что мы держимся за устаревшую материалистическую парадигму, относясь к ней как к реальности, а не модели, так не пришло ли время создать новую парадигму – парадигму любви? И начинаться она должна с внут-

ренного преобразования, с освобождения себя от эгоцентризма, с установки на преданность, жертвенность, сострадание, на *concordia* – согласие сердца с сердцем, где все сферы жизни человека – семья, наука, творчество – нуждаются в тщательном обновлении. Без сердечного созерцания нет истинной любви, семьи, общества, а остаются лишь тусклые тени общения. Поэтому возникает насущная необходимость в концептуальном решении проблемы, в основании которой лежат следующие принципы:

– формирование жизненного мира личности в среде воспитания любви, основой которого является семья как «лаборатория» любви – первичное лоно человеческой духовности;

– воспитание патриотизма как акта духовного самоопределения личности, которым он отождествляет свою судьбу с судьбой своего народа;

– через сердечное созерцание, совестливую волю и верующую мысль подготовить детей к общественному христианскому служению, развить духовно-интеллектуальные дарования.

Эти положения имеют эвристическую силу для дальнейшего поиска жизненного пути и являются одним из условий гармоничного развития личности и общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Фурс В.Н. Философия незавершенного модерна Юргена Хабермаса / Фурс В.Н. – Мн. : ЗАО «Экономпресс», 2000. – 224 с.
2. Памятники литературы Древней Руси. Начало русской литературы. XI – начало XII века. – М. : Художественная литература, 1978. – 413 с.
3. Пирогов Н.И. Воспитание и образование // Избр. педагогические сочинения / Н.И. Пирогов. – М. : Педагогика, 1985. – 385 с.
4. Рогозянский А.С. Философия любви // Любовь и интимность: поиск духовного смысла / А.С. Рогозянский. – М. : Храм Трех Святителей на Кулишках, 2003. – С. 6-53.
5. Ильин И.А. Путь к очевидности / Ильин И.А. – М. : Республика, 1993. – 431 с.
6. Пушкин А.С. Собр. соч. : в 6 т. Т. 1 / Пушкин А.С. – М. : Правда, 1969. – 496 с.
7. Муза Д.Е. В поисках духовной Родины. Проблема культурной идентичности в русской религиозно-философской мысли XIX – XX вв. : монография / Муза Д.Е. – Донецк : «Лебедь», 2005. – 176 с.
8. Корольков А.А. Духовная антропология / Корольков А.А. – СПб. : Изд-во С.-Петербургского университета, 2005. – 324 с.
9. Хомяков А.С. Стихотворения и драмы / Хомяков А.С. – Л. : Советский писатель, 1969. – 596 с.
10. Ильин И.А. Аксиомы религиозного опыта / Ильин И.А. – М. : ООО «Издательство АСТ», 2002. – 586 с.
11. Митрополит Сурожский Антоний. Человек перед Богом / Митрополит Сурожский Антоний. – М. : «Паломникъ», 2001. – 382 с.
12. Литвинцева А.В. Новые информационно-коммуникационные технологии – формообразующий фактор культуры / А.В. Литвинцева // Творча спадщина В.І. Вернадського і сучасність («Вернадські читання») : доповіді і повідомлення 4-ї Міжнародної наукової конференції 21 – 25 квітня 2005 р. у м. Донецьку / під ред. Л.О. Алексєєвої. – Донецьк : ДонНТУ, 2005. – С. 21-23.
13. Лазарев Ф.В. Разум в новом столетии: глобальная переориентация / Ф.В. Лазарев, В.И. Тарасов. – Симферополь : СОНАТ, 2000. – 88 с.

Л.А. Шигімагіна

Формування життєвого світу особистості у середовищі виховання любові

У статті досліджується роль любові у формуванні життєвого світу особистості. Підкреслюється роль християнства як основоположного фактора в духовному самобудуванні людини. Обґрунтовується роль сім'ї як підвалин виховання любові та розвитку духовно-релігійних традицій.

L.A. Shigimagina

Formation of Personality's Lifeworld in Environment of Love Nurturing

In the article, the author explores the role of love in the formation of the personality's lifeworld. The role of Christianity as an underlying factor for the spiritual self-building of a human being is emphasized. The role of family as the basis for nurturing of love and development of spiritual and religious traditions is substantiated.

Стаття надійшла до редакції 02.11.2011.